

Священник Кирилл КРАСНОЩЕКОВ,
кандидат богословия, преподаватель СПДС

ОТНОШЕНИЕ К РАБСТВУ АПОСТОЛА ПАВЛА И ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Прежде всего необходимо отметить, что и для апостола Павла, и для Плиния Младшего институт рабства является основой социально-экономической жизни римского общества, он не хорош и не плох сам по себе, это данность, повседневность.

Апостол Павел неоднократно обращается в своих Посланиях к рабам, увещевая их ответственно относиться к своим обязанностям и ничуть не смущаться своего положением, так как для спасения во Христе оно не имеет никакого значения: *Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся* (т.е. оставайся рабом.— Авт.). *Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов* (1 Кор. 7, 20–22); *Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение. Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют [им]* (1 Тим. 6, 1–2); *Рабы, во всем повинуйтесь господам вашим по плоти, не в глазах только служа [им], как человекоугодники, но в простоте сердца, боясь Бога. И всё, что делаете, делайте от души, как для Господа, а не для человека, зная, что в воздаяние от Господа получите наследие, ибо вы служите Господу Христу* (Кол. 3, 22–24); *Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу, не с видимою только*

услужливостью, как человекоугодники, но как рабы Христовы, исполняя волю Божию от души, служа с усердием, как Господу, а не как человекам, зная, что каждый получит от Господа по мере добра, которое он сделал, раб ли, или свободный (Еф. 6, 5–8); Рабов [увещивай] повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего, Бога (Тит. 2, 9–10).

По мнению румынского исследователя Никола И. Барбу, Плиний Младший «был одним из самых гуманных рабовладельцев, известных древности. Он обращался с рабами так же, как и с арендаторами, с большой добротой и человечностью»¹. Действительно, в письмах Плиния можно найти немало строк, свидетельствующих о его человеколюбивом отношении к рабам. К примеру, из письма к Фабату, деду жены: «Чрезвычайно радуюсь и тому, что, по твоим словам, воспользовавшись пребыванием проконсула, ты отпустил многих на волю. Я ведь желаю, чтобы наша родина обогащалась во всех отношениях, а особенно гражданами: для городов это самое надежное украшение»² (7. 32. 2–3); из письма Паттерну: «Я измучен болезнями моих людей и смертью их: умерли молодые люди. Есть у меня два утешения в этой печали — несоизмеримые с ней, но все же утешения: во-первых, готовность, с которой я отпускаю людей на волю (...) а во-вторых, разрешение рабам делать своего рода завещания, которые я соблюдаю как законные. Они поручают мне и просят о том, о чем им хочется; я повинуюсь этому как приказанию: они делят, дарят, оставляют, лишь бы в пределах моего дома, так как для рабов господский дом — это своего

¹ Nicolae I. Barbu. Anzeichen für den Niedergang der Sklaverei bei Plinius d. J./Das Altertum. Herausgegeben vom Zentralinstitut für Alte Geschichte und Archäologie der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Band 17. 1971. Heft 4. S. 226.

² Здесь и далее текст приводится по изд.: Письма Плиния Младшего: Кн. I–X/Изд. подгот. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. — 2-е изд., перераб. — М., 1982.

рода республика и государство (...) Я прекрасно знаю, что другие считают подобного рода несчастье просто убытком и поэтому кажутся себе великими и мудрыми людьми. Велики ли они и мудры, я не знаю, но они не люди. Человеку свойственно чувствовать и испытывать страдания, но в то же время бороться с болью и слушать утешения, а не просто не нуждаться в утешениях» (8. 16).

Также и апостол Павел, увещевая рабов свято соблюдать свои обязанности перед господином, призывает и их хозяев *оказывать рабам должное и справедливое, зная, что и вы имее-те Господа на небесах* (ср.: Кол. 4, 1); *И вы, господа, поступайте с ними так же, умеряя строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь, у Которого нет лицепрятия* (Еф. 6, 9).

И апостол Павел, и Плиний Младший мыслят и действуют в рамках Римского права, которое, на первый взгляд, содержит странные противоречия, касающиеся положения рабов. Как пишет французский исследователь античного рабства Анри Валлон, «будучи исключены из кодекса обычного права, рабы наполняют собой кодекс права гражданского; причисленные к категории вещей, они фигурируют среди людей вместе с гражданами в качестве договаривающихся сторон во всех отношениях общественной жизни, почти во всех законодательных актах»³. Причем «чем больше он [раб.— *Ред.*] был связан с правом вещественным, тем меньше была его доля участия в правах личных. И в самом деле, он был лишен всякого права личности... Но все же он не был простой вещью; он был орудием одушевленным и активным, орудием, обладавшим даром речи и разумом, это был человек, хотя и низшего порядка»⁴.

Итак, раб — это и вещь, и человек. Каждый свободный может видеть в нем и то, и другое — в зависимости от своих убеж-

³ Валлон А. История рабства в античном мире. М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. С. 359–364.

⁴ Там же.

дений. И хотя из вышеприведенных цитат видно, что христианство отнюдь не стремилось изменить существующий порядок античного общества, оно привнесло в него качественно новую идею братства людей во Христе, — идею Церкви, в которой *Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного* (здесь и далее выделено мной.— Авт.); *нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе* (Гал. 3, 28). Сознание этого братства было столь велико, что в эпитафиях христиан почти никогда не упоминалось рабское состояние умершего⁵. Здесь мы можем увидеть принципиальное различие (в рамках Римского права!) во взглядах на рабство человеколюбивого язычника Плиния Младшего и христианина апостола Павла. Для наглядности сравним два письма, написанных по идентичному поводу: апостола Павла к Филимону и Плиния Младшего к Сабиниану.

Поводом к их написанию послужили следующие обстоятельства: от Филимона, богатого христианина малоазийского города Колоссы, обращенного апостолом Павлом, и от язычника Сабиниана убежали рабы (у Сабиниана — вольноотпущенник), причем убежавший от Филимона Онисим, скорее всего, еще и обокрал своего господина: по крайней мере, так считал святитель Иоанн Златоуст: «Онисим, украв что-то у господина своего, убежал; а что он действительно украл, о том, послушай, как говорит (Павел): *Если же он чем обидел тебя, или должен, я заплачу* (ср.: Флм. 1, 18–19)»⁶.

По разным причинам рабы часто совершали побег. Бегство считалось в Риме, как и везде, где существовало рабство, самым тяжким преступлением раба. За это «он мог быть подвергнут любому наказанию, и господин не всегда удовлетворяется некоторым усилением обычных наказаний, как то: увеличением

---

⁵ См.: Аман А.-Г. Повседневная жизнь первых христиан. 95–197 гг. М., 2003. С. 60.

⁶ Отца нашего Иоанна, Архиепископа Константинопольского, Златоустого толкование на Послание к Филимону // <http://agios.org.ua/wiki/index.php>; Иоанн Златоуст, свт. Творения: В 12 т. М., 1994. Т. 11. Кн. 2. С. 900.

числа ударов, более тяжелыми оковами или работой, присуждением к ручным или ножным кандалам или к железному ошейнику. Он может присудить его к кровавой казни на арене амфитеатра, к растерзанию хищными животными, к битве гладиаторов. Если господин, как правило, считал для себя более выгодным наказывать раба, осуждая его на вечную работу, сопровождавшуюся всем, что только могло усугубить ее тяжесть, то бывали все же случаи, когда чувство злобы могло заставить забыть эти принципы домашней экономии, служившие единственной преградой, спасавшей раба от смертной казни. В таких случаях его бросали в колодезь, в печь или, если хотели насладиться его мучениями или показать пример строгости, его сажали на вилы или распинали на кресте, который он должен был тащить на себе до места казни, находившегося за пределами городской черты. Иногда его сжигали в одежде, пропитанной смолой, как это делал Нерон. Да и куда бежать? К какому-нибудь частному лицу? Но ведь закон присуждал всякого, принявшего беглого раба, к уплате двойной его стоимости (...). Никто не мог за него заступиться, кроме друзей господина. Этот последний, не признававший принуждения со стороны высшей власти, мог позволить смягчить себя просьбами и мольбами. И законы разрешали рабу идти просить заступничества у этого друга, не рискуя быть обвиненным в бегстве»⁷. Именно это обстоятельство, надо полагать, и привело двух беглых рабов к друзьям их хозяев — апостолу Павлу и Плинию Младшему. Они снисходительно отнеслись к отчаянному положению этих людей, а находящийся под арестом апостол Павел еще и обратил и крестил Онисима: *родил в узах моих* (ср.: Флм. 1, 10).

Затем они отправляют беглых рабов назад к их господам под защитой сопроводительных писем, в которых они просят простить их и принять в дом. Наибольший интерес для нас представляет сравнительный анализ основных частей этих двух

⁷ Валлон А. Указ. соч. С. 388–389.

писем. Даже на первый взгляд очевидно сходство между ними. И апостол Павел, и Плиний Младший чувствуют за собой право приказывать своим друзьям, которые им многим обязаны, но предпочитают просить их добровольно совершить благое дело, не пользуясь без нужды своим авторитетом:

<p>Плиний Младший Сабиниану (9. 21)</p> <p>(1) Твой вольноотпущенник, на которого, по твоим словам, ты сердисься, пришел ко мне и, пав к моим ногам, обнял их, будто твои. Плакал он много, много просил и молчал много — в общем, внушил мне доверие к искренности своего раскаяния. Верю, что он действительно исправился, так как чувствует, что провинился.</p> <p>(2) Я знаю, ты гневаешься, и гневаешься с основанием, это я тоже знаю; но кротость особенно похвальна тогда, когда причина гнева вполне справедлива. Ты любил этого человека и, надеюсь, опять полюбишь его, а пока достаточно, чтобы ты позволил умолять себя.</p> <p>(3) Можно будет снова гневаться, если он того заслужит; это будет тебе более простительно, если теперь ты поддашься мольбам.</p>	<p>Апостол Павел Филимону (Флм. 1, 9–21)</p> <p>9 по любви лучше прошу, не иной кто, как я, Павел старец, а теперь и узник Иисуса Христа; 10 прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих: 11 он был некогда негоден для тебя, а теперь годен тебе и мне; я возвращаю его; 12 ты же прими его, как мое сердце. 13 Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах [за] благовествование; 14 но без твоего согласия ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не вынужденно, а добровольно.</p>
--	--

На этом общие моменты кончаются, потому что, если мы заострим внимание на тех аргументах, к которым прибегают авторы с целью испросить прощение провинившимся, мы увидим колоссальную разницу:

<p>Плиний Младший Сабиниану (9. 21)</p> <p>Уступи его юности, уступи слезам, уступи своему милосердию. Не мучь его, не мучь также себя; ты, столь мягкий от природы, мучишься, гневаешься. (4) Боюсь, как бы не показалось, что я не прошу, а принуждаю, если к его просьбам присоединю мои; я присоединю их тем полнее и непринужденнее, чем резче и строже я его выбрал, решительно пригрозив, что впредь никогда больше за него просить не стану. Так сказал я ему: его следовало утратить; тебе же я скажу другое: возможно, что я и во второй раз буду просить тебя и во второй раз добьюсь твоего согласия, лишь бы по такому поводу, чтобы мне приличествовало просить, а тебе выполнить просьбу.</p>	<p>Апостол Павел Филимону (Флм. 1, 9–21)</p> <p>15 Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, 16 не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне, а тем больше тебе, и по плоти и в Господе. 17 Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня. 18 Если же он чем обидел тебя, или должен, считай это на мне. 19 Я, Павел, написал моею рукою: я заплачу; не говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен. 20 Так, брат, дай мне воспользоваться от тебя в Господе; успокой мое сердце в Господе. 21 Надеюсь на послушание твое, я написал к тебе, зная, что ты сделаешь и более, нежели говорю.</p>
---	---

Юность и слезы преступника — вот на что обращает внимание своего адресата Плиний Младший. Беглый раб действительно виноват, он вполне заслуживает наказания, но, учитывая его полное раскаяние, а также молодость и неразумие, к нему следует проявить снисхождение, считает он. К тому же гнев вреден для здоровья, он причиняет мучение — гораздо приятнее сознавать, что ты воплощение кротости, которая «особенно похвальна тогда, когда причина гнева вполне справедлива». Человеколюбивый Плиний не способен выйти за рамки устойчивой схемы отношений между рабом и рабовладельцем, его мысль постоянно вращается среди понятий юридических прав владельца, здравого смысла и заботы о поддержании здоровья. Совсем к иным понятиям апеллирует апостол Павел: Онисим принял крещение от руки апостола, теперь он — его духовный сын, более того — *брат возлюбленный* (ср.: Флм. 1, 16), точно так же как и его хозяин — Филимон.

Возвращаясь к Филимону, Онисим возвращается к своему законному хозяину, но это уже не просто хозяин — это брат во Христе, и Филимон, принимая беглого раба, принимает не просто раба, а брата во Христе. При видимом восстановлении status quo, во взаимоотношениях хозяина и раба происходит принципиальное изменение. Проблема социально-экономических противоречий — неизбежная проблема поврежденного грехом мира во все время его существования — находит свое решение в совершенно неожиданной сфере — сфере религиозной. Христианство решает проблему рабов и господ не через подавление первых или свержение вторых, а путем перевода всего дела в иную плоскость — плоскость отношений между братьями во Христе, в котором *нет раба, ни свободного* (Гал. 3, 28), *но все и во всем Христос* (Кол. 3, 11).